

безумный план – переделать «старого» человека, ветхого Адама. И это получилось... может быть, единственное, что получилось. За семьдесят с лишним лет в лаборатории марксизма-ленинизма вывели отдельный человеческий тип – homo soveticus.<...> Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок прожила много лет. Он – это я. Это мои знакомые, друзья, родители. Несколько лет я ездила по всему бывшему Советскому Союзу, потому что homo soveticus – это не только русские, но и белорусы, туркмены, украинцы, казахи... Теперь мы живем в разных государствах, говорим на разных языках, но нас ни с кем не перепутаешь. Узнаешь сразу! Все мы, люди из социализма, похожие и не похожие на остальных людей – у нас свой словарь, свои представления о добре и зле, о героях и мучениках. У нас особые отношения со смертью» [Алексиевич 2013: 7]. Только временами автор обнаруживает себя, когда к нему обращается собеседник, как, например, герой говорит: «Только советский человек может понять советского человека» [Алексиевич 2013: 137] или она признается, что «Ленина не читала» [Алексиевич 2013: 128].

Однако стараясь занять позицию «хладнокровного историка, а не историка с зажженным факелом», С. Алексиевич обнаруживает свою волю во всей конструкции книги – и во внешней архитектонике, и во внутренних композиционных со/противопоставлениях. Т.н. композиционная «рама» книги включает в себя введение от автора «Записки соучастника», задающее вектор восприятия истории «домашнего» социализма и основное повествование, разделенное на две части: «Утешение Апокалипсисом» и «Обаяние пустоты». В свою очередь, каждая из частей предваряется своеобразным своим введением, составленным из безымянного хора голосов «Из уличного шума и разговоров на кухне», а вслед за ними идут десять личных историй (название каждой начинается с предлога «О»), а завершается книга «Примечанием обывателя». И, разумеется, яркая примета внешнего оформления книги – ее метафорическое название. Это потому, как объясняла писательница, что «все пользуются тем, что знали когда-то, что было прожито кем-то, прежним опытом» [Алексиевич 2013: 503]. Отдельного исследования заслуживает изучение того, как вошли в книгу несколько значительно переработанных историй из книги «Зачарованные смертью». Переработка затронула и содер-

жание, и названия исповедей (например, в «Зачарованных смертью» «История с мальчиком, который писал стихи через 100 лет после четвертого сна Веры Павловны» превращена в историю «О милостыне воспоминаний и похоти смысла»).

Внутренне книга выстроена как народная хроника внутреннего опыта, повседневной жизни от 1991 до 2012 года. Включая в книгу истории самых разных людей, в чем-то похожих друг на друга, но в то же время проживших и проживающих свою неповторимую жизнь, автор создает образ времени, в котором «красный человек» жив и теперь.

Список литературы

- Алексиевич С. Время секунд хэнд. М.: Время, 2013.
Алексиевич С. Прощание с красным человеком//<http://www.rg.ru/2013/09/11/aleksievich.html>.
Алексиевич С. В поисках вечного человека // Вопросы литературы. 2000. № 1.
Алексиевич С. Моя единственная жизнь. Беседу вела Т. Бек // Вопросы литературы. 1995. № 4.
Москвич. 1906. 18 марта, № 18
Местергази Е.Г. Документальное начало в литературе // Теоретико-литературные итоги XX века. Т.1. М.: Наука, 2003. С. 134-160.
Юферова Я. Мы устали жить без любви. Интервью со С. Алексиевич.
<http://www.rg.ru/2006/08/04/aleksievich.html>.

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОМ "АНАХРОНИЗМЕ" А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА (НА ФОНЕ ЕГО ПУБЛИЦИСТИКИ В 1982 Г. НА ТАЙВАНЕ)

Лай Инчуань

Государственный университет Чжэнджи, Тайбэй, (Тайвань)

Александр И. Солженицын относится к наиболее знаменитым диссидентам-писателям СССР 70-80-х годов, его творчество рассматривается как воплощение национального самосознания с глубокой религиозностью. Глазами критиков труд лауреата нобелевской пре-